

Реактивация мифа как социально-историческое явление. Тезисы

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

1. Недостаточность общепринятого понятия «мифа», его филологическая специфика. В плане культурологии мифом следует считать целостный комплекс мыслительных стереотипов массового сознания и соответствующих им социально-политических и поведенческих реакций на мир. Миф — это не повествование, не «текст», а модель действия в исторически сложившейся форме политической «веры». Миф порождает тексты, но сам он — нечто более, чем текст.

Противники широкой трактовки понятия М. — это пленники древнегреческой мифологии и её высокохудожественных отражений. Они склонны игнорировать всё своеобразие восточной мифологии и отрицают право называться мифами за всю архаическую стадию мифического мышления (типа австралийских, океанийских, африканских сказаний). Мифы первобытных племён, не прошедших стадию века металлов до распада их собственной культуры, представляются нашим филологам-классикам слишком дикими, бедными, наивно-грубыми.

С другой стороны, понятие «мифа» неохотно прилагается к средневековому мышлению, совершенно отрицается мифотворчество применительно к новому времени.

Между тем, любой непредвзятый наблюдатель может на протяжении последней тысячи лет видеть рождение, расцвет, подъём, упадок, обновление, разрушение разнообразных мифов, имевших очень большое влияние на жизнь людей. Более того, мифы и сегодня играют колоссальную роль и в нашем быту, и в мировом социально-историческом развитии. И поэтому необходимо изучать не только и не столько мифологические тексты далёкого прошлого, сколько живые мифы в их развитии и перевоплощении.

Пояснение сказанного и смысл всей работы читать уяснит себе по ходу предлагаемого конкретного рассмотрения.

В средневековой Европе, сложившейся в основном из молодых варварских народов, человеческое сознание было несравненно более мифологичным, чем в поздней античности с её творческой усталостью, избытком казённости в официальной (имперской) религии и широко распространившимся культурным скептицизмом. Европейцы Средних веков мыслили в категориях чуда и вечных повторений; массовые движения с необходимостью принимали религиозно-мифологическую форму.

Крупнейшие события Средних веков чуть звенья социально-экономических процессов, но религиозно-мифологическая форма этих событий активно влияла на существование их и на протекание самих этих процессов.

«Великий страх» 1000 года, т. е. Общеευропейская паника в связи с ожиданием конца света, был ранним симптомом первого кризиса феодальной системы, к-рый углублялся через серию голодных лет и хронические феодальные войны на протяжении всего XI века. В Европе наблюдается «теснота» народов; жёсткие рамки феодальной системы создают ту демографическую напряжённость, к-рая заставляет норманнов завоёвывать Сицилию и Англию, активизирует реконквисту в Испании, немецкий *Drang nach Osten* и т. п. Прямым следствием первого кризиса феодализма явился первый (и самый массовый) крестовый поход.

Иногда ещё приходится читать и слышать старые выдумки об инициативе папства в крестовых походах, о «зловещей» роли Церкви, о том, что крупные феодалы жаждали новых земель и рабов, а рыцари — грабежей, золота, добычи. Всё это мелкие кусочки истины. Крестовые походы никогда бы не начались, если бы не проявили самой яростной инициативы широчайшие народные массы Западной Европы, к-рые стремились вырваться из своей недавно склёпанной клетки и, смутно помня ещё великое переселение нвродов, алчно и дерзко искали «земли и воли».